
ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертого сентября 1943 года Сталин и Молотов встретились в Кремле с тремя оставшимися на свободе архиереями — митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). С этого дня власть больше не препятствовала деятельности Церкви, начала возрождаться религиозная жизнь страны, на архиерейском соборе был избран патриарх — им стал Сергей.

В том же году в армию вернулись погоны и офицерские звания, исчез институт военных комиссаров, был распущен Коминтерн, по радио зазвучали забытые песни: «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”», пощады никто не желает», вместо «Интернационала» запели другой гимн — А. Александрова на слова С. Михалкова и Эль-Регистана. В самый тяжелый период войны стало ясно, что воспитать любовь к Отечеству на одной идее мировой революции не получится, цементировать общество нужно национальными традициями, придется заново прочесть славные страницы истории русской армии и вспомнить основательно подзабытых полководцев прошлого.

В 1943 году были учреждены ордена в честь Александра Невского, Суворова и Кутузова, в 1944-м — ордена флотоводцев Ушакова и Нахимова. Орденом Нахимова награждались офицеры Военно-морского флота за искусно проведенные боевые операции, смелое и решительное личное руководство, хорошо организованные десанты. В биографии адмирала Нахимова наберется немало примеров подобных действий, как, впрочем, и в биографиях других известных русских флотоводцев. Но сам Нахимов, с его заботой о моряках, скромностью, жертвованием собой во имя долга давно стал национальным символом стойкости и мужества, «душой обороны», как называли его севастопольцы.

Литература о Нахимове обширна, воспоминания о нем стали печататься сразу после его гибели. Особенно много информации появилось после 1867 года, когда в одном из авторитетных журналов были напечатаны без подписи «Записки севастопольца», автор которых представил скорее карикатуру на Нахимова, чем его портрет. Возмущенные моряки и защитники Севастополя начали присылать в журналы и газеты письма с опровержениями, свои воспоминания об адмирале. Словом, нет худа без добра — так собралась большая мемуарная литература о Нахимове.

Первая биография адмирала появилась в 1902 году, к столетию со дня его рождения. Точную дату установил автор книги, историк русского флота П. И. Белавенец, обнаружив в архивах метрическое свидетельство Нахимова. В годы Великой Отечественной войны издательство «Молодая гвардия» выпустило небольшую книжечку «Нахимов» в тонкой обложке, которая легко умещалась в кармане гимнастерки. В ней Е. Тарле рассказывал о двух последних годах жизни Нахимова — сражении при Синопе и обороне Севастополя. После войны эта книга была напечатана в серии «ЖЗЛ». В той же серии в 1970 году вышла биография Нахимова в авторстве Ю. Давыдова.

Огромную работу по изучению, поиску и публикации документов, связанных с Нахимовым, провел В. Поликарпов, автор книги «Павел Степанович Нахимов», опубликованной в 1960 году Воениздатом. Добросовестный исследователь изложил все известные на тот момент факты биографии Нахимова, установил место рождения, уточнил расположение имения его родителей и храма, где был крещен будущий адмирал, нашел остатки фамильного склепа Нахимовых. К двухсотлетию со дня рождения флотоводца Военно-морской архив напечатал двухтомник документов из разных архивов страны, в котором появились новые материалы о Нахимове.

Автору этой книги удалось найти в архивах ранее никогда не публиковавшиеся документы, привлечь малоизвестные материалы, которые позволили узнать новые обстоятельства жизни адмирала и полнее представить его взгляды и суждения. И чем больше автор изучал свидетельства очевидцев и документы о жизни своего героя, чем ближе узнавал его, тем понятнее становилось, почему этот внешне суровый и настойчивый в исполнении обязанностей и одновременно нежный и заботливый в дружбе человек еще при жизни завоевал искреннюю любовь и признание.

Глава первая
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Семья

Так уж случилось, что самые знаменитые русские флотоводцы родились не на берегах морей, а в самом что ни на есть сухопутном центре России. И Нахимов не исключение. Он появился на свет 23 июня 1802 года в сельце Городок Вяземского уезда Смоленской губернии.

О корнях Нахимова известно немного. Русская родословная книга¹ называет родоначальником династии, из которой вышло немало моряков, малороссийского казака Тимофея Нахимова. Его сын Мануил Тимофеевич дослужился в казачьем войске до чина сотника. После вхождения Малороссии в состав России на древе рода Нахимовых появляются две ветви — одна продолжила жизнь близ Харькова, другая дала ростки на Смоленщине. В конце XVII — начале XVIII века сын сотника Михаил Мануилович Нахимов купил участок земли недалеко от Вязьмы, где и обзавелся семьей и хозяйством. У Михаила Мануиловича родились четверо сыновей: Михаил, Николай, Иван и Степан — отец будущего адмирала.

Родословная книга указывает, что Степан Михайлович родился в 1754 году, прожил долгую жизнь — умер в 1830-е годы, дослужился до звания секунд-майора, женат был на Федосии Ивановне (по другим данным — Васильевне) Козловской.

Крестили Павла Нахимова 27 июня в церкви Спаса Нерукотворного, в трех верстах от имения Нахимовых. Священник отец Георгий Овсянников крестил там всех детей майора Степана Михайловича: старшую Анну, Николая, Платона, за год до рождения Павла — Ивана, а через

три года после Павла — его младшего брата Сергея. В той же церкви и венчали, и отпевали; хоронили здесь же, на кладбище при церкви, в фамильном склепе.

При крещении Павла восприемниками были его старшая сестра Анна и дядя, отставной поручик Николай Матвеевич Нахимов, двоюродный брат отца². Известно, что Николая Матвеевича, оставшегося сиротой, Степан Михайлович взял под опеку, перевез из Харьковской в Смоленскую губернию, где тот служил, вышел в отставку (в родословной он указывается как прапорщик), стал помещиком — ему принадлежало село Волочек с деревнями. Позже его выбрали предводителем дворянства Сычевского уезда.

Из харьковской ветви, которая продолжала существование, более других был известен Аким Николаевич Нахимов. Родился он в 1782 году в родовом селе в 60 верстах от Харькова, образование получил в пансионе при Московском университете, но жить в старой столице не остался, а вернулся в Харьков. Там он поступил в только что открывшийся Харьковский университет на факультет словесности, после его окончания преподавал русскую грамматику. Еще студентом он начал писать стихи — в основном басни, эпиграммы и эпитафии. Печатали его редко, стихи больше ходили в списках, зато были на слуху у харьковчан. Умер Аким Нахимов рано, в 1814 году, не дожив до 33 лет. После его смерти друзья издали его стихи отдельной книжкой³. Объектами его сатиры становились взяточники, кляузники, льстецы, глупцы и неучи. Вот некоторые из его коротких сочинений:

Просветители

Чтоб мрачную страну наукой озарить, —
Ученых множество в Украину валит.
Сияют здесь они, как в темноте зарницы!
Но что блестит у них? мундирные петлицы.

Жук и пчела

Ну, слава Богу, я пол сота сработала! —
Пчела жуку сказала.
Пол сота! только-то! жук с гордостью вскричал, —
Я целую копну навозу натаскал!
«Навозу, а не меду», —
От пчелки был ответ рогатому уроду.
Клит целую стопу стихами исписал.
Но что! не меду он, навозу натаскал.

Вспомогательная запись из метрической книги Смоленской
 губернии записана 1870 года в Спаса в Лаврентьевой церкви Спаса
 не имеет значения образы с предвзвешенной оценкой предмета
 редица Спаса в Георгия воякинова с протестантскими Спаса
 во время как в прошлом 1809 году не полагается в будущем
 описан родилось в семье Спаса и поименован отъ званъ
 кресте сего.

Метрическая книга духовного ведомства

1. 93 Миса Гюста
 свещи вродо у господина Петра Степана Тихонковича сего
 казачьего в роду воеводина иванову родился съ мати
 прещево Спаса в Георгия воякинова 27 числа апрельскаго
 мѣся воеводина близ воеводина воеводина души подпоручи
 тель Киселева мати казачьей за вдова аки отъ
 казачьих казачьих.
 Имя во родилось мѣ 6

Запись в метрической книге о рождении и крещении П. С. Нахимова.
 Государственный архив Смоленской области

Эпитафия высокоученому

Гниет здесь гордая Латынь.
Аминь!

Эпитафией ему самому могли бы стать его собственные строки:

Блеснуть искусством я нимало не искал,
Что сильно чувствовал, то смело написал.

Читал ли Павел вирши своего дяди, неизвестно, но борьбу с мздоимцами и ворами вел на Балтике и в Севастополе нешуточную.

Все братья Павла стали моряками: Николай, Платон, Иван преподавали в Морском корпусе, младший Сергей дослужился до вице-адмирала, был директором Морского корпуса. Платон Степанович, выйдя в отставку, служил инспектором в Московском университете, где терпением и добродушием снискал себе любовь студентов.

«Это была честнейшая, добрейшая и благороднейшая душа, исполненная любви к вверенной его попечению молодежи, — вспоминали о нем бывшие подопечные. — Тихий и ласковый, он был истинным другом студентов, всегда готовый прийти к ним на помощь, позаботиться об их нуждах, защитить их в случае столкновений.хлопот ему в этом отношении было немало, ибо в то время студенты вовсе не подлежали полиции, а ведались исключительно университетским начальством... Поминутно студентов ловили в каких-нибудь шалостях, и всё это надобно было разбирать, приходилось и журить, и наказывать, но всё это совершалось с таким добродушием, что никогда виновные не думали на это сетовать»⁴. Студенты, конечно, знали, что старый моряк Платон Степанович приходится родным братом знаменитому адмиралу, Синопское сражение произошло в день именин их любимого инспектора. По такому поводу были написаны стихи:

В ноябре, раскрывши святцы,
Вспомним мы Синопский бой.
Наш Платон Степаныч, братцы,
Брат Нахимову родной.

Здравствуй, адмирал почтенный,
Богатырь и молодец!
Дядя, брат твой незабвенный
Был студенческий отец...

Большим достатком семья Нахимовых не отличалась. Степан Михайлович владел сельцом Городок и несколькими деревнями в Вяземском уезде Смоленской губернии — всего 1424 десятинами земли. Из них пахотной — 486 десятин, неудобной — 116, остальное под лесом, селениями и дорогами. Нахимовы считались мелкопоместными дворянами, в 1813 году за их отцом значилось 136 крепостных душ, в 1841-м — 121 душа⁵. К деревянному господскому дому прилегали два флигеля на каменных фундаментах, вокруг него был разбит фруктовый сад. Были и хозяйственные постройки — конный и скотный дворы, амбары, сараи, — крытые соломой.

Павел Степанович очень любил приезжать в родовое имение, мечтал пожить там годик-другой после войны, но не довелось. Он и в короткие отпуска зимой выбирался не каждый год. Ни время, ни люди не пощадили его родной дом, в 1990-е годы от него оставался лишь фундамент, но и тот разровняли бульдозером. Не сохранились ни Спасская церковь, ни фамильный склеп Нахимовых, которые разрушили еще в середине XX века.

Смоленская земля не щедра на урожаи, часто случались недороды, так что барскую запашку Нахимовым приходилось порой засеивать крестьянским хлебом — своего не хватало. В 1841 году доход от имения составлял 1200 рублей серебром в год, и эту небольшую сумму братья делили между собой, а потому имение представили в Опекунский совет для получения ссуды. Позже его еще несколько раз закладывали. В 1842 году братья разделили между собой земли и крепостных. «Павлу же поступило во владение из сельца Городка 1 душа без земли»⁶. Звали этого единственного доставшегося ему крепостного Фаддей Стрельцов, он жил у барина в Севастополе. После гибели адмирала «дворовому человеку Фаддею Стрельцову» в 1857 году была дарована вольная⁷ — по завещанию ли Павла Степановича, по решению ли его братьев-наследников, майора Николая и контр-адмирала Сергея, неизвестно.

Прожить на доход от такого имения было нельзя, потому все сыновья Степана Михайловича Нахимова служили. «Дворянин — тот, кто служит» — так было установлено в России со времен Петра Великого. Предстояло служить и Павлу, но сначала нужно было выучиться. С отправкой в Морской корпус в Петербурге его детство закончилось — начиналась пора юности.

Корпус

Морской шляхетский кадетский корпус был учрежден приказом императрицы Елизаветы Петровны 15 декабря 1752 года и за время своего существования неоднократно менял и названия, и местоположение*. В годы учебы в нем Павла Нахимова (1815—1818) он именовался Морским кадетским корпусом и располагался на Васильевском острове в Петербурге.

Корпус был преемником Навигацкой школы, созданной по распоряжению Петра I в 1701 году. По мысли создателя школа должна была давать общее и специальное образование, поэтому обучение в ней делилось на три ступени: на первой — *начальной* — полтора-два года обучали чтению и грамматике, Закону Божьему; на второй — *цифирной* — арифметике, геометрии и тригонометрии; на третьей — *высшей* — математической географии, астрономии, черчению, геодезии, навигации и судостроению.

Тот же принцип сохранился и в Морском корпусе. Воспитанников объединяли в три класса по 120 человек, ученики двух младших классов назывались кадетами**, третьего — гардемаринами***. Каждый кадетский корпус представлял собой батальон, делившийся на роты, и воспитанники помимо учебы несли также караульную службу и занимались строевой подготовкой.

Кадет обучали Закону Божьему, арифметике и началам алгебры, грамматике русского языка, иностранному языку, географии, всеобщей и русской истории по сокращенной программе, фехтованию и танцам. Популярны были постановки любительских спектаклей.

Кадеты учились от года до трех лет, в зависимости от успехов, а гардемарины проходили обязательный курс наук,

* В 1802 году из названия исчезло слово «шляхетский», в 1867—1891 и в 1916—1918 годах корпус назывался Морским училищем, в 1891—1906 годах — вновь Морским кадетским корпусом, в 1906—1916 годах именовался Его императорского высочества наследника цесаревича Морским корпусом. В 1918 году на его основе создали курсы подготовки командного состава флота, а в 1922-м их преобразовали в Высшее военно-морское училище, которому позже было присвоено имя М. В. Фрунзе. С 2001 года учебное заведение называется Морской корпус Петра Великого — Санкт-Петербургский военно-морской институт.

** Cadet — младший (*фр.*).

*** Garde-marine — морская гвардия (*фр.*).

рассчитанный на три года и включавший алгебру, геометрию, тригонометрию, «высшие вычисления», астрономию, «опытную физику», географию, историю, русскую грамматику, французский и английский языки. Затем переходили к специальным дисциплинам: геодезии, навигации, механике, теории морского искусства, корабельной архитектуре, артиллерии и фортификации.

«Ленивый кадет мог оставаться кадетом лет шесть, но и все-таки делался гардемарин... попавши в гардемарины, от каждого из нас зависело быть адмиралом»⁸, — говорили выпускники корпуса.

Первый офицерский чин мичмана на выходе из корпуса получали почти все, дальше каждый сам прокладывал себе фарватер, и далеко не все бросали якорь в гавани под названием «Адмиральская», а кто-то и вовсе уходил с флота. Для тех, кто мечтал о море, примером служили прославленные флотоводцы и мореплаватели, окончившие корпус: Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин, И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, Ф. Ф. Беллинсгаузен, М. П. Лазарев, В. М. Головнин, Г. А. Сарычев.

У Сарычева, знаменитого исследователя Тихого океана и картографа, Нахимов учился в корпусе, записки Лисянского о кругосветном плавании читал, когда сам отправился в кругосветку, в составе эскадры под командованием Сенявина ушел в первый боевой поход, на корабле Лазарева принял боевое крещение. Так что школа для боевого офицера — это не стены, точнее, не только они, но полученные под началом опытных наставников навыки морской службы.

Самым известным и любимым учителем в корпусе был П. Я. Гамалея. Ученики к нему в класс не шли, а бежали. «С какой любовью и почтительным участием мы смотрели на этого худенького, сгорбленного старика, отвечали смело и слушали со вниманием»⁹, — с теплотой и нежностью вспоминали выпускники. А кто не помнил его упрек ленивцам: «Ах, братец, ты не знаешь, что ты собственный свой палач»? — или его призыв, который кадеты пересказывали друг другу: «Любите науку, братцы, для самой науки, а не для того, чтобы надеть эполеты: невежда офицер похож на того животного — знаете, братцы, о котором говорят в басне... под золотым чепраком с длинными ушами. Ведь самый богатый чепрак длинных ушей не закроет».

Он был не только прекрасным педагогом, составил почти все пособия математического цикла, по которым училось

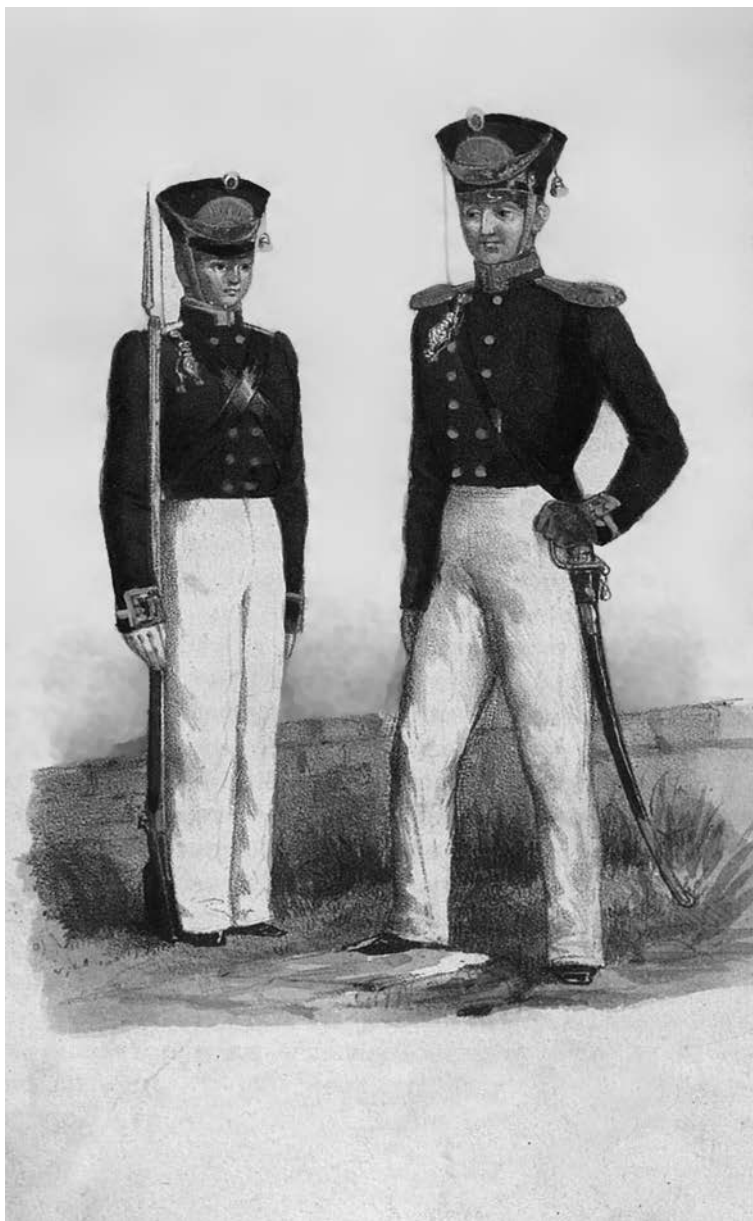
не одно поколение гардемаринов: «1) алгебра с предложением ее к геометрии, 2) дифференциальные и интегральные исчисления, с приложениями их к геометрии и навигации, 3) механика, 4) теория кораблестроения, 5) морская практика»¹⁰.

Ко времени поступления в корпус Павла Нахимова Гамалея уже не преподавал, но дело продолжал его друг и деятельный помощник М. Ф. Горковенко. Нахимов учился у Горковенко математике, физике и химии. Гардемарины вспоминали, как Горковенко создал в корпусе физический кабинет и приложил немало сил к его оборудованию, как по-детски радовался появлению в нем новых инструментов и приборов.

Гуманитарные предметы, по мнению кадет, им преподавали хуже, чем математические. Учитель французского языка итальянец Триполи особенно не старался: считалось, что дворянские дети французский и так знают. Учитель английского Руммель и вовсе не ходил на занятия; кто хотел знать язык, должен был платить за дополнительные уроки. Средства на частные уроки были не у всех, английский же был необходим для моряков: кроме общения в заграничных плаваниях, требовалось умение читать карты и лоции, а самые ходовые из них издавались в Англии. Нахимов учил английский самостоятельно, уже после окончания корпуса.

Учитель русского языка Груздев требовал писать сочинения в несколько листов, в стихах или прозе. Конечно, это вызывало неудовольствие — ну а какие ученики радуются большим домашним заданиям? Однако когда читаешь журналы, которые гардемарины обязаны были вести в учебных плаваниях, видишь: написаны они грамотно, впечатления и наблюдения изложены хорошим литературным языком, что, несомненно, делает честь учителям корпуса. Уровень общего образования в Морском корпусе был традиционно высок, и если не все его выпускники стали адмиралами, то только потому, что прославили свои имена на другой стезе, как писатель и этнограф В. И. Даль, писатель К. М. Станюкович, композитор Н. А. Римский-Корсаков, художник В. В. Верещагин.

Морской корпус был не единственным учебным заведением для дворянских сыновей. Почему же родители выбрали для Павла именно его? Дело в том, что по традиции в Первый и Второй шляхетские корпуса старались определять своих детей люди состоятельные, аристократических фамилий, их выпускникам легче шагало по карьерной

Кадет и обер-офицер Морского кадетского корпуса в 1812 году.
Литография В. А. Прохорова. 1852 г.

лестнице, двери к высоким должностям для них открывались быстрее. А мелкопоместные дворяне, вроде смоленского помещика Степана Нахимова, предпочитали записывать детей в Морской корпус, который требовал в будущем меньших расходов. Старшие братья уже окончили его, и в 1813 году, когда подошел возраст младших — Ивана и Павла, — они тоже подали прошение на высочайшее имя:

«Всепресветлейший, державнейший великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший, просят недоросли из российских дворян греческого исповедания Иван и Павел Степановы сыновья Нахимовы о нижеследующем: Отец наш родной, Степан Михайлов сын Нахимов, в службе в[ашего] и[мператорского] в[еличества] находился в гвардии капитаном и отставлен майором. Ныне нам от роду, первому — 12, а последнему — 11 лет, обучены пороссийски и по-французски читать и писать и часть арифметики, но в службу в. и. в. никуда еще не определены, а желание имеем вступить в Морской кадетский корпус в кадеты»¹¹. К прошению прилагалось свидетельство, что они действительно «помянутому майору Степану Нахимову сыновья родные», испомещены в Бельском уезде Смоленской губернии и крестьян за их отцом значатся 136 душ.

Однако на прошение «недорослей Нахимовых» директор корпуса вице-адмирал П. К. Карцов ответил отказом — «по неимению вакансии». Желающих учиться в корпусе было больше, чем мест, и частенько, подав прошение, ждали год-полтора.

В августе того же года последовал приказ министра военных морских сил адмирала И. И. Траверсе о включении пятнадцати желающих вступить в корпус, в том числе Нахимовых 1-го и 2-го, в число кандидатов «по открытию вакансии»¹². А пока, чтобы привыкали к морю и почувствовали вкус морской службы, Нахимовых определили в волонтеры и отправили вместе с гардемаринами в учебное плавание¹³.

Нахимов впервые оказался под парусами летом 1815 года, на бриге* «Симеон и Анна». Всего за годы учебы

* Бриг — двухмачтовое судно с прямыми парусами на фок- и грот-мачтах и дополнительным косым парусом на грот-мачте. Бриг «Симеон и Анна» был построен в 1798 году как царская яхта, затем был передан Морскому корпусу для учебных плаваний. Имел на борту восемь малокалиберных орудий.

он будет трижды ходить в учебное плавание (таких называли «трехкампанейцами»): в первый раз под командой лейтенанта П. И. Харламова, в следующем году на том же бриге, но уже под командой лейтенанта П. Н. Овсова (маршрут оба раза проходил по Финскому заливу, в походе осматривали Кронштадт, Петергоф, Ораниенбаум). В третий морской поход, в 1817-м, он отправился уже за границу: из всего корпуса отобрали лучших гардемарин для плавания на бриге «Феникс» под командой лейтенанта П. А. Дохтурова из Кронштадта до Стокгольма, Копенгагена и обратно¹⁴.

Финский залив мелководный, и расстояние между портами небольшое, но для первых опытов достаточное. Ведь как бы ни старались учителя в корпусе и как бы усердно ни занимались гардемарин, получить опыт управления кораблем можно только на практике.

В первом плавании новичкам поручалась матросская работа: «делать такелаж*, привязывать, крепить и постанавливать паруса, брать рифы (уменьшать площадь парусов при сильном ветре. — *Н. П.*), сниматься с якоря и становиться на оный». В первый же день их расписали на различные корабельные работы. И вот дети из дворянских семей, отпрыски и знатных, и мелкопоместных фамилий, взбирались на мачты, драили палубу, откачивали воду, помогали матросам разносить паруса, обтягивать ванты и шкоты**, выбирать якоря. Это был единственный способ сделать из сухопутного человека моряка, а из матроса — офицера. Так считали учителя Нахимова, так будет считать и сам он, пройдя всю школу обучения полностью, не перепрыгивая через ступени.

Уже в чине контр-адмирала он вносил правку в проект нового Морского устава и в разделе «Обязанности старшего офицера» предложил записать: «Весьма полезно приучать гардемарин исподволь к обязанностям офицера, но еще более необходимо ознакомить их с матросским делом и для того поставить обязанностию командир и старше-

* **Та к е л а ж** — общее название снастей на корабле (тросов, канатов, цепей), используемых для крепления рангоута (мачт, стеньг, рей и др.), постановки и уборки парусов, грузовых операций. Подразделяется на стоячий, поддерживающий рангоут, и бегучий (фалы, шкоты, гордени, гитовы и др.) для подъема и спуска грузов, парусов, сигналов, трапов, шлюпок.

** **В а н т ы** — стоячий такелаж, поддерживающий рангоут с боков. **Ш к о т ы** — бегучий такелаж для натягивания и удержания парусов в нужном положении.

му офицеру обучать гардемарин и юнкеров брать рифы, крепить и менять паруса; спускать и подымать брам-реи и брам-стенги; бросанию лота и править рулем. Сведения эти трудно приобрести в офицерском звании, и еще труднее, чтоб не имеющий их впоследствии не чувствовал этого недостатка»¹⁵.

Впрочем, матросской работой обязанности гардемарин и кадет не ограничивались: они допускались стоять на вахте рядом с офицером, который объяснял каждый парусный маневр. И конечно, к гардемаринам был приставлен корпусной офицер — он должен был смотреть, «чтоб лазали наверх без торопливости, дабы никто не упал; почему напоминать им, чтоб всегда крепко держались руками за веревки и за реи, когда отдаются или убираются паруса». Обучать стрельбе следовало «со всевозможною осторожностью и без торопливости, чтоб кого не опалило и не убило»¹⁶.

Нахимов, сам прошедший суровую школу воспитания, считал ее совершенно оправданной и, став адмиралом, утверждал на флоте те же порядки. Нарушение порядков приводило к тому, что из корпуса стали выходить не офицеры, а *сахарьи*, как выражался адмирал М. П. Лазарев: «Гораздо приятнее видеть a set of smart and active officers full of spirit and life*, нежели сидней философов, которые только что курят трубки с утра до вечера и рассуждают о пустяках, а ни на какое по службе дело не способны. Я говорю это потому, что много таковых из корпуса выходит к общему нашему сожалению, но так как государь сам сего не терпит, то, вероятно, следующие за сим выпуском будут поживее»¹⁷.

В головах многих образованных офицеров, вышедших из корпуса, рождались прекрасные мысли и грандиозные планы, но лишь некоторые смогли воплотить их в жизнь, у кого-то весь запал уходил в слова и рассуждения о будущем. Действовать всегда труднее, чем рассуждать, особенно действовать в соответствии со своими убеждениями. Воспитанное Лазаревым поколение офицеров — Нахимов, Пуятин, Корнилов, Истомина, Бутаков — мерило свою службу и всю жизнь именно такой мерой: делом, а не словом.

Таким образом, Павел сначала ушел в море, а уже потом сел за парту. Может, оно и к лучшему: тем, кто так и не смог обрести «морские ноги», офицеры советовали уйти из корпуса или перевестись в гимназию. Павел же, едва увидев море, полюбил его навсегда и о перемене службы ни-

* ...подвижных и активных офицеров, полных духа и жизни (англ.).

когда не помышлял. Наверное, эта любовь и желание стать офицером помогли ему перенести тяготы первого, самого трудного, года учебы.

Гардемарин Павел Нахимов не оставил воспоминаний о Морском корпусе, он вообще был не большой любитель писать, к немалому огорчению его биографов. А вот его друзья и однокашники много и подробно писали о жизни гардемаринов. Несмотря на различия в деталях, в общих моментах эти воспоминания совпадают и вполне позволяют представить картину жизни юного Нахимова.

В документах сохранилась только дата зачисления Павла в корпус — 24 июля 1815 года; когда же он был переведен из кадет в гардемарины, неизвестно. Однако уже в год зачисления он именуется гардемарином, а значит, в кадетах пробыл недолго — видимо, старшие братья постарались подготовить его и Ивана к экзаменам. Но, несмотря на это, привыкать подростку к суровому военному распорядку было нелегко.

Вместо вольготной домашней жизни — подъем до света, казенная одежда, калош и теплой обуви не положено, ежедневные занятия, караулы. Вместо домашней стряпни — ненавистная гречневая каша-размазня. Правда, порции большие, щи и каша всегда с куском мяса, на обед — жаркое, в праздники — пирожные или олады с медом. Да и квас отменный, пей сколько хочешь. А какие белые булки утром и вечером — горячие, в целый фунт весом; во всём городе таких не сыщешь. В общем, жить можно.

Одно плохо: принятое в корпусе обязательное прислуживание младших старшим, то, что в английских школах и университетах называлось «fagging», а у нас — «дедовщина». Правда, насилия к кадетам никто не применял, но новичкам доставалось изрядно. Главное было не расплакаться: разнюнился — пиши пропало, навек «бабой» звать будут, и уже никто не поможет.

Одного новичка любили посылать в соседнюю роту принести книгу «Дерни о пол», другого — «Гони зайца вперед». Понятно, что первый летел на пол, а второй бегал от одного «старика» к другому, пока не выбьется из сил. Кто-то, правда, считал такие порядки полезными и утверждал, что так воспитывался характер. Д. Б. Броневский вспоминал: «...все мы жили в непрерывной междоусобной войне до производства в гардемарины. Достигнув до этого вожделенного чина, у кадета прежние дикие замашки смягчались; показывались понятия о чести — и прежде бывший дикарь

стал походить на человека. Впрочем, у этих молодых людей кроме уваженья к силе физической были и свои хорошие свойства. Они не терпели слабодушия, лукавства, похищения чужой собственности и провинившихся в подобных проступках наказывали жестоко. В этой спартанской школе было и свое хорошее: здесь закаливали характер в твердую сталь; здесь получалось омерзение ко всему низкому, и я уверен, что на многих моих товарищей это воспитание благодетельно подействовало; утвердительно могу сказать о себе, что оно мне принесло большую пользу»¹⁸.

Конечно, младшие Нахимовы могли бы обратиться за помощью к старшим братьям, которые служили в корпусе офицерами, но такого заступничества им бы не простили. Да и сами Николай и Платон, не так давно окончившие корпус и прекрасно знавшие его традиции, вряд ли стали бы вмешиваться — скорее оказывали моральную поддержку.

Случались и бунты, когда младший выпуск не желал признавать власти старшего, однако они были крайне редки и сурово наказывались. Чаще доставалось корпусному эконому, если его воровство переходило границы. Тогда, по воспоминаниям однокашника Нахимова Дмитрия Завалишина, все находящиеся в столовой ученики мычали, стучали ногами и ножами, выражая протест, и забрасывали эконома бомбами, «состоящими из жидкой каши, завернутой в тонкое тесто из мякиша, так, чтобы ударяясь обо что-нибудь, тесто разрывалось и опачкивало человека кашею»¹⁹, — словом, выражали свое мнение, как могли, всеми доступными способами.

Особенно угнетала новичка необходимость всё делать по команде: в шесть часов утра следовать строем на молитву и завтрак, в семь (зимой в восемь) — в классы. В полдень — также строем на обед, с двух до четырех пополудни — снова в классы. В восемь вечера опять строем шли на ужин, в девять — на вечернюю молитву, в десять отправлялись спать. Свободного времени только и оставалось, что от послеобеденных классов до ужина, но и здесь лениться было некогда — надо заниматься самоподготовкой, выполнять задания на следующий день.

(Заметим, что суровые порядки не обошли стороной и женские учебные заведения. В Смольном институте благородных девиц воспитанниц тоже поднимали ни свет ни заря, заставляли обливаться ледяной водой до пояса, одевали в очень легкую форменную одежду, строго наказывали

за неповиновение классным дамам, кормили весьма умеренно; даже в мороз они спали под тонкими фланелевыми одеялами. Потому мальчишки называли смолянок «кадетами в юбках».)

Несмотря на суровые порядки, проступки в корпусе случались. Гауптвахты и карцера в нем не было, но розгами секли по субботам исправно. Современному читателю может показаться странным, что дворянских отпрысков подвергали порке, однако в XVIII и XIX веках на телесные наказания детей смотрели иначе, чем во времена Конвенции по правам ребенка и ювенальной юстиции. «Лелей дитя — и оно устроит тебя», — предрекали ветхозаветные старцы, и родители резонно полагали, что воспитывать не наказываемая невозможно. Поэтому и в гимназиях, и в училищах, и в кадетских корпусах мальчиков обязательно секли — «для их же блага».

Бывшие гардемарины по-разному оценивали корпусные порядки. Например, Владимир Даль, однокашник Нахимова, в автобиографических заметках обрисовал весьма мрачную картину: «...в памяти остались только розги». Однако к заметкам Даля, которые он диктовал уже тяжелобольным, нужно относиться критично. Еще в период их публикации другой однокашник Нахимова, уже упомянутый Дмитрий Завалишин, указал на многие ошибки и несообразности в этих заметках; видимо, в конце жизни память Даля изменила ему*. Сам же Завалишин не только учился в корпусе, но впоследствии и преподавал там математику, механику и астрономию, так что мог судить о нем и как ученик, и как преподаватель. Выслушаем его мнение: «Недостатки, о которых говорит Даль, не были исключительно принадлежностью Морского корпуса, а были общи всем тогдашним... учебным заведениям... если и были действительно темные стороны, то были и светлые и даже такие, к осуществлению коих и ныне еще тщетно стремятся многие заведения»²⁰. Что же касается порки, то Завалишин считает: «...для крупных проступков помимо телесного наказания не было другого исхода, кроме исключения из корпуса, что, однако же, было равнозначительно совершенной потере

* Даль перепутал жену и дочь, места службы отца, указал, что в бытность гардемаринком плавал только по Финскому заливу, забыл о морском походе в Швецию и Данию, хотя в прежние годы с удовольствием вспоминал о нем, рассказывая смешные эпизоды, к тому же сохранился его дневник с подробным описанием этого плаванья.

карьеры. Потому не один отец и не одна мать сами упрашивали, чтобы наказали их детей, как хотят, только бы не “губили” выключкой из корпуса, ибо в таком случае дети, воспитывавшиеся даром и обеспеченные в будущем, “легли бы снова им на шею”, что для бедного (почти без исключения) дворянства было бы большой тягостью, часто и вовсе не по силам»²¹.

Вот такими порядками — придирами старших гардемарин, порой по субботам, хождением строем, жизнью по команде — встретил Павла Нахимова Морской корпус. Картина не из радостных. Если бы не брат Иван, пришлось бы тяжело. Вдвоем всё же веселее, если что — можно и отпор дать вместе. Вскоре у братьев появились друзья: Платон Станицкий, Александр Рыкачев, Иван Бутенев, Дмитрий Завалишин и самый близкий — Михаил Рейнеке.

С Рейнеке Нахимова будут связывать долгие годы дружбы, самой искренней и преданной, которая прервется только со смертью Павла Степановича. Михаил Рейнеке родился в ноябре 1801 года и был седьмым ребенком в очень небогатой дворянской семье обрусевшего немца Франца Рейнеке. Отец служил в Ростовском пехотном полку, участвовал в войнах с турками, где получил тяжелое ранение и вынужденно вышел в отставку, а подлечившись, уехал в Сибирь и поступил на службу в Иркутское губернское правление. В Иркутске он женился на сибирячке Марфе Васильевне Липовцевой, с которой уехал по месту нового назначения — на Камчатку. Пять лет Рейнеке служил на самой дальней окраине России, занимался делами гражданского управления, учил камчадалов сажать картошку и разводить огороды. В 1786 году семейство возвратилось в Иркутск, прожило там 12 лет, а затем переехало в Лифляндию, где и родился Михаил Францевич²².

Когда мальчику исполнилось 11 лет, родители отдали его в пансион в Петербурге, а в 1814 году — в Морской кадетский корпус, в котором учились его старшие братья Адриан, Александр и Павел. Михаил учился хорошо, отличался любознательностью и особенно любил читать. Страсть к книгам и сблизила Рейнеке и Нахимова. Потом оказалось, что у них много общего: и братья их учились здесь же, и семьи не отличались богатством и знатностью, и рассчитывать в будущем они могли только на себя.

Михаил Францевич прославил свое имя на научной ниве, Павел Степанович — на военном поприще, по взглядам и убеждениям они были единомышленники. Рейнеке

говорил о себе, что он «по обруселому отцу и матери-сибирячке в душе чисто русский», пренебрежение чиновников к национальным интересам России воспринимал как личное оскорбление, не жалел сил и здоровья на службе, чурался светских удовольствий и визитов, предпочитая тишину кабинета и удовольствие научных занятий.

Они писали друг другу при каждом удобном случае. Благодаря Рейнеке сохранились многие письма Нахимова. После Синопского сражения Михаил начал бережно собирать и записывать всё, что касалось его друга. Рейнеке всю жизнь вел дневники, его записи, сделанные в Севастополе в 1853—1855 годах, дают бесценный материал о Нахимове и Севастопольской обороне.

Теплые отношения согревали этих офицеров, проводивших всю жизнь на службе, людей одиноких, не имевших семьи и редко видевшихся. Оттого и ценили они превыше всего эти редкие и такие сердечные встречи.

В корпусе друзья по вечерам собирались кружком, читали вслух. Библиотека в корпусе была небогатая, книги передавали друг другу или пересказывали понравившиеся. Привычка много читать и обсуждать прочитанное с друзьями сохранится у Нахимова на всю жизнь. Когда же он войдет в совет директоров Морской библиотеки в Севастополе, то будет самым активным собирателем ее фондов: при нем библиотека приобретет 16 тысяч книг, многие он купит на собственные сбережения.

Выпускники вспоминали суровость порядков и жесткую дисциплину; однако, несмотря на строгости, больных и увечных не наблюдалось. «Лазарет, — пишет Д. Завалишин, — был, однако же, в очень хорошем положении, и во всё время мы помним только один случай смерти, и то от ушиба»²³.

Но вот что дружно отмечали все выпускники, так это чистоту отношений в корпусе, где культивировался дух товарищества, взаимовыручки, бескорыстного служения — качеств, необходимых будущим защитникам Отечества. Поэтому педагоги делали всё, чтобы разница в материальном положении воспитанников не ощущалась: запрещалось шить форму из своего материала, носить часы, приносить из дома лакомства; даже чай можно было пить только в людской, потому что остальные пили воду и квас. «Кадетская спайка всегда основывалась на чувстве абсолютного равенства между кадетами, сын армейского капитана — и сын начальника дивизии, кадет, носящий громкую истори-

ческую фамилию, — и носящий самую обыкновенную, богатый и бедный, русский, грузин, черкес, армянин и болгарин — все в стенах корпуса чувствовали себя абсолютно равными»²⁴, — вспоминали выпускники. Ябедничество, наушничество и доносительство сурово преследовались и карались не только воспитанниками, но и офицерами корпуса.

Конечно, «сахарьями» кадеты всё же не были: если по субботам в дежурной комнате их пороли — значит, было за что. В основном за курение, самовольное нарушение формы одежды и тайное приобретение съестных припасов, в том числе сладостей. Вызвано это было, конечно, не голодом, а своеобразным лихачеством, проявлением «молодечества», как и приобщение к курению.

«Случаи пьянства были очень редки, — вспоминал Завалишин, — во всё время... моего пребывания в корпусе был только один случай воровства из кондитерской конфет, и то, впрочем, не доказанный следствием. Похищение огурцов в огородах составляло более проказы, нежели воровство, потому что главная цель была всегда посмеяться над огородниками и одурачить их»²⁵. Кадеты переодевались в разные мундиры во время набегов на огороды — поди узнай потом, кто из них на самом деле крал огурцы. Исключение из корпуса на памяти Завалишина было только один раз — за оскорбление офицера.

Три года пролетели быстро. Кажется, только вчера недоросли Нахимовы были зачислены кадетами, в первый раз отправились в учебное плавание, а уже пора было готовиться в новый вояж — на сей раз по Балтийскому морю за границу, в Швецию и Данию.

На бриге «Феникс»

В 1817 году было решено отправить лучших гардемарин корпуса в плавание по Балтийскому морю, чтобы дать возможность «обозреть им балтийские наши порты и приобрести сколь можно более практических познаний», а кроме того, стараться «доставить гардемаринам случай» увидеть за границей «предметы, заслуживающие внимания». Кто же были эти 12 человек, лучшие из лучших? Федор Колычев, Павел Новосильский, Дмитрий Завалишин, Владимир Даль, Платон Станицкий, Иван Адамович, Степан Лихонин, Николай Фофанов, Павел Нахимов, Александр

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru